

Бенгт Янгфельдт
Королевская Академия наук, Швеция
jangfeldt@bredband.sw

Bengt Jangfeldt
Royal Academy of Sciences, Sweden
jangfeldt@bredband.sw

МАЯКОВСКИЙ И ГЁТЕ В ПАРКЕ ЛИЛИ,
С ПОСТСКРИПТУМОМ

MAYAKOVSKY AND GOETHE IN LILI'S PARK,
WITH A POSTSCRIPT

Holde Lili, warst so lang
All mein Lust und all mein Sang.
Bist, ach, nun all mein Schmerz — und doch
All mein Sang bist du noch.

J. W. Goethe, «An Lili», 24 дек. 1775

Метафорика поэмы *Про это* тесно связана с жизнью и творчеством Гете. Отождествление поэта с медведем заимствовано из стихотворения Гете «Парк Лили», главный герой которого — ревнивый поэт-медведь. Со стихотворением Гете связано и имя героини: как и в случае Маяковского, предмет любви Гете звали Лили. Не менее важным источником поэмы является книга Леопольда фон Захер-Мазоха *Venus im Pelz* (1870), вышедшая по-русски в 1908 году. Если метафорика *Про это* навеяна творчеством Гёте, то главная тематика поэмы — мучительная разлука, являющаяся результатом договора, заключенного между героем и его возлюбленной — заимствована из книги фон Захер-Мазоха, повествовательным стержнем которой является такой договор.

Ключевые слова: Маяковский, *Про это*, Лили Брик, Гете, Захер-Мазох, литературные связи.

The metaphorical system of the poem *Pro èto* is closely related to the life and poetry of Goethe. The poet's identification with a bear is borrowed from Goethe's poem "Lilis Park", where the main hero is a jealous poet-bear. The name of the heroine is also the same: just like in Mayakovsky's poem, the object of the poet's love is called Lili. Another important source of the poem is the book *Venus im Pelz* by Leopold von Sacher-Masoch (1870), published in Russian in 1908. If the metaphorical system of *Pro èto* was influenced by Goethe, the main theme of the poem — the painful separation, the result of a contract agreed upon by the lover and his mistress — comes from Sacher-Masoch's book, the plot of which is based on such a contract.

Keywords: Mayakovsky, *Pro èto*, Lily Brik, Goethe, Zaher-Mazoh, literary links.

На конференции в Польше, посвященной 100-летию со дня рождения Маяковского, я сделал доклад о связях между поэмой *Про это* и творчеством Гёте. Доклад был потом напечатан под названием «Маяковский и Гёте в парке Лили» в сборнике *Włodzimierz Majakowski i jego czasy, Seria Literatura na pograniczach*, 6, Warszawa 1995. Так как сборник труднодоступен, статья осталась почти незамеченной¹. Поэтому я перепечатаваю ее здесь — в расширенном виде, с постскриптумом, где рассматривается связь поэмы Маяковского с другим немецкоязычным автором, находящимся в свою очередь под сильным влиянием Гёте.

1.

Сопоставление имен Маяковского и Гёте может казаться странным и натянутым. В самом деле, прямых следов творчества Гёте в поэзии Маяковского мало, и ссылки на немецкого поэта скорее всего носят отрицательный характер — см. иронически-презрительную метафору в *Облаке в штанах*: «Что мне до Фауста, / феерией ракет / скользящего с Мефистофелем в небесном паркете. / Я знаю — / гвоздь у меня в сапоге / кошмарней, чем фантазия у Гёте», упоминание «Гётевской Гретхен» во *Флейте-позвоночнике* и перефразировку начальной строки стихотворения «Erlkönig» («Лесной царь»)² в двух стихотворениях 1928 и 1929 гг.: «Кто мчится, / кто скачет / такой молодой, // противник мыла / и в контрах с водой?» («Кто он?»); «Кто мчится, / кто скачет, кто лазит и носится // неистовой / бешеного письмоносца?» («Анчар»).

Общий характер этих цитат не позволяет установить, в какой степени Маяковский был знаком с творчеством Гёте.

На более глубокую связь между двумя поэтами намекал в своей книге о Достоевском В. Шкловский (Шкловский 1957). Книга начинается цитатой из первой главы *Дневника писателя* за 1876 год — «Вместо предисловия о Большой и Малой Медведицах, о молитве великого Гёте и вообще о дурных привычках» — где Достоевский пишет: «Самоубийца Вертер, кончая с жизнью, в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более “прекрасного созвездия Большой медведицы”, и прощается с ним. О, как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гёте!» (Достоевский 1981: 6). Кончается книга Шкловского цитатой из предпоследней части поэмы Маяковского *Про это*, где поэт обращается к тому же созвездию:

... затрубадурила Большая Медведица.
[...]
Большая,

¹ В обширной работе А. Сельяка, посвященной эротическим источникам поэмы Маяковского, ссылок на Гёте нет. См.: (Seljak 1999: 355–389).

² «Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?»; в переводе В. Жуковского: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?»

неси по векам-Араратам
сквозь небо потопа
ковчегом-ковшом!

Шкловский, обрамляя свою книгу этими двумя цитатами, не делает из них никаких выводов; связь между Маяковским и Гёте (и, разумеется, Достоевским) остается намеком. Однако мысль Шкловского была подхвачена и развита Р. Якобсоном³. Так же как в мире самоубийцы Вертера «звездная ширь мироздания» сопоставляется «с личной участью», в лирике Маяковского, по меткому наблюдению Якобсона, «звездный образ» тесно связан с «гибелью поэта»: «предисловие Достоевского как бы предвосхищает звездный лейтмотив Маяковского» (Якобсон 1959: 306). На самом деле, «звездный образ» всплывает у Маяковского на протяжении всего его творчества:

Послушайте!
Ведь если звезды зажигают...
(Послушайте!)

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.
(Облако в штанах)

Ширь,
бездомного
снова
лоном своим прими!
небо какое теперь?
Звезде какой?
(Человек)

Глядит
в удивленьи небесная звезда —
затрубадурила Большая Медведица.
[...]
Большая,
неси по векам-Араратам
сквозь небо потопа
ковчегом-ковшом!

С борта
звездолётом
медведьинским братом
горланю стихи мирозданию в шум.
(Про это)

³ В рецензии на книгу Шкловского — см.: (Якобсон 1959: 305–310). Перепеч. под названием «Достоевский в отголосках Маяковского» (Jakobson 1979: 406–412).

Ты посмотри какая в мире тишь
 Ночь обложила небо звездной данью
 В такие вот часы встаешь и говоришь
 векам истории и мирозданию.

(Неоконченное)

На влияние Достоевского на Маяковского указывали многие (Якобсон 1959: 305–310; Брик 1969: 203–208; Schapiro Corten 1968: 76–83; Янгфельдт 1993: 7), и связующим звеном между Маяковским и Гёте мог, разумеется, служить Достоевский. Недавно опубликованные высказывания Б. Пастернака, однако, говорят о другом: Пастернак подчеркивает духовное родство между двумя поэтами и предполагает близкое знакомство Маяковского с творчеством Гёте. В письме 1953 г. к Л. Багрицкой (вдове поэта) В. Шкловский писал: «[...] Вчера видел его [Б. Л. Пастернака] и говорил с ним об “Фаусте” Гёте и о Маяковском. Борис считает, что М[аяковский] очень глубоко читал Гёте» (Шкловский 1993: 53), и во второй половине 20-х гг. Пастернак говорил Т. Толстой: «Маяковский — Гёте, а Асеев — Шиллер» («Из тетради Т. В. Толстой» 1990: 10).

Свидетельство Пастернака чрезвычайно важно для установления значения Гёте для Маяковского. Если русских символистов привлекали в Гёте близкие их теориям неоплатонические идеи («Alles Vergängliches is nur ein Gleichnis»; «zum höchsten Dasein immenfort zu streben»; «Das Ewig-Weibliche»), Маяковский ценил главным образом Гёте периода *Sturm und Drang*⁴. Отождествляя Маяковского с немецким поэтом, Пастернак, несомненно, имеет ввиду этого молодого Гёте, автора *Страданий молодого Вертера* (1774), книги, игравшей значительную роль в истории русской литературы (Жирмунский 1932: 510–527). Надо полагать, что именно эту книгу, с его героем-самоубийцей, «мучеником несчастной любви» (Там же: 516), «очень глубоко читал» Маяковский. Кроме «звездного образа» (отметим, кстати, что в некоторых русских переводах Вертера созвездие именуется не «Большая Медведица», а «Колесница»⁴), в предсмертном письме Вертера встречается образ тишины. Письмо начинается словами «Все вокруг меня так тихо...» (перевод А. Эйгес), «Все тихо» (перевод А. Струговщикова) — образ, имеющий точную параллель в начальной строке предсмертных стихов Маяковского («Смотри какая в мире тишь...»).

2.

С образом Большой Медведицы связан и образ медведя в поэме *Про это*; судя по всему, и этот образ восходит к творчеству Гёте.

⁴ См. переводы А. Струговщикова (*Собрание сочинений. Гёте в переводе русских писателей* 1892) и А. Эйгес (изд. А. С. Суворина, СПб. 1893). К сожалению, не все русские переводы Вертера (а их было восемь) мне доступны.

На сходство между медведем в стихотворении Гёте «Зверинец Лили» («Lilis Park») и медведем в поэме Маяковского обратил внимание М. Пьяных: «<...> медведь Маяковского невольно напоминает медведя из стихотворения Гёте», фрагменты из которого он приводит в современном переводе Л. Гинзбурга (Пьяных 1984: 276).

На самом деле, вопрос об отношении Маяковского к Гёте не ограничивается «сходством»; речь идет о более прямой связи между Маяковским и Гёте, что подтверждается свидетельством Л. Ю. Брик. Когда я однажды спросил ее, почему она носит имя Лили, она ответила, что была названа по одной из невест Гёте, Lili Schönemann (поэтому она — Лили, а не Лиля или, латинскими буквами, Lily), и что, когда она родилась, ее отец, У. А. Каган, читал биографию Гёте.

Лили Юрьевна Брик родилась в октябре 1891 г. В том же году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Н. Холодковского о Гёте, где несколько страниц посвящено его возлюбленной, Lili Schönemann (Холодковский 1891: 28–30); естественно думать, что именно эту книгу читал отец Л. Ю. Брик.

Как известно, Маяковский и Брики увлекались мифологизацией собственных отношений и имен и в быту отождествляли себя с разными животными: Маяковский был щенком, Лили Юрьевна кошкой, Осип Максимович котом. Но Маяковский часто изображал себя и другими животными — жирафом, быком, волком, лосем, медведем.

Л. Ю. Брик, разумеется, рассказывала историю своего имени не только автору этой статьи, но и Маяковскому. Кроме того, Маяковский мог читать об отношениях между Гёте и Лили в статье Петра Вейнберга «Парк Лили (к истории любовных увлечений Гёте)», с приложением стихотворения Гёте «Парк Лили» в переводе автора, напечатанной впервые в 1890 г. и перепечатанной в 1907 г. (Вейнберг 1890: 241–253; Вейнберг 1907: 341–354; Гёте 1892: 87–91). Предполагаю, что Маяковский (и, возможно, У. А. Каган) был знаком с этой публикацией. Предположение это подкрепляется явными следами гётевского произведения в метафорике поэмы *Про это*, так же как и в «постановке» отдельных главок.

Вопрос о медвежьей метафорике в стихотворениях Гёте и Маяковского, таким образом, приобретает совсем другой характер: речь идет не о «сходстве», но о возможном влиянии гётевского текста на текст Маяковского⁵.

Про это — самая автобиографическая из всех вещей Маяковского. Герой поэмы — реальный Маяковский, героиня — реальная Лили. Поэтому естественно искать источник некоторых мотивов поэмы в подобной любовной связи, «отстоявшейся словом» — тем более, что *Про это* является одним из самых цитатных произведений Маяковского.

⁵ Johannes Holthusen в своих статьях на тему «превращений» и звериных метафор у Маяковского и русского авангарда стихотворение Гёте не упоминает (Holthusen 1973: 201–215; Holthusen 1974: 58).

3.

Обратимся для истории отношений Гёте с Anna Elisabeth (Lili) Schönemann к статье П. Вейнберга, из которой, как я полагаю, Маяковский почерпнул если не главную, то по крайней мере первую информацию о тезке своей возлюбленной (Вейнберг, в свою очередь, сильно опирается на автобиографию Гёте *Dichtung und Wahrheit*, сочиненную полвека с лишним после описываемых событий).

В 1775 году двадцатишестилетний поэт встречает Лили, двадцатилетнюю «девушку богатого и знатного круга, в доме ее матери», знакомство быстро переходит в любовь и Гёте скоро понимает: «ни я не мог жить без нее, ни она без меня...» Через некоторое время они обручаются, «к неудовольствию отца Гёте, который видел в знатной, избалованной, привыкшей к роскоши Лили неподходящую себе невестку, к неудовольствию и родственников невесты, признающих эту партию <...> недостаточно приличною для молодой франкфуртской аристократки...»⁶.

Сам Гёте очень волнуется по поводу разницы в социальных условиях: «Если б, — пишет он, — моя возлюбленная захотела жить и впредь сообразно своим прежним вкусам и привычкам, то в новом своем доме не нашла бы она для этого ни средств, ни помещения...»

В это время приезжает во Франкфурт граф Штольберг, который приглашает Гёте отправиться с ним в Швейцарию. Гёте «с восторгом» соглашается, т. к. «ему хотелось, — как он сам пишет, — испытать, насколько на него подействует разлука с Лили». Во время путешествия он встречается со своей сестрой, уговаривавшей его покинуть Лили. Однако память о невесте не оставляет его в покое, а заставляет его сочинить несколько стихотворений, ей посвященных, и «сердцем влечет его домой», — как пишет Вейнберг.

По приезде Гёте узнает, что во время его отсутствия Лили «почти убедили <...> в необходимости с ним разойтись». Его «доброжелатели» сообщают ему, что «Лили изменилась с той минуты, как ей были объяснены препятствия, мешавшие этому браку», и что «те надежды, которые он более всего лелеял в грядущем, совсем не нравились ей и не подходили к ее идеалу жизни». К тому же, у поэта возникает чувство ревности. Уже прежде он узнал из ее рассказов, что Лили, «будучи почти ребенком, уже влюблялась то в того, то в другого из посещавших их дом знакомых и забавлялась этими шалостями»⁷.

Во Франкфурте наступает время ежегодной ярмарки, дом Лилиного отца навещает много знакомых, и поведение Лили по отношению

⁶ У Н. Холодковского Лили описывается так: «Лили была настоящая светская барышня, привыкшая жить в богатстве, постоянно окруженная множеством поклонников, капризная и кокетливая, но, как кажется, искренно любившая Гёте, насколько она вообще могла любить кого-либо» (Холодковский 1891: 28).

⁷ Ревность Гёте подчеркивается и в книге Н. Холодковского (Холодковский 1891: 29).

к ним представляется ему слишком вольным — именно такой прием у отца Лили описывается в стихотворение «Парк Лили». При первой возможности поэт бежит в Веймар, даже не простившись со своей невестой...

Так описывает сам поэт историю отношений с Лили. Описание, разумеется, необъективное, вся вина сваливается на Лили. Исследователи рисуют ее в более положительном свете, как, например, издатель писем Гёте к графине Штольберг: «Есть девушки, которые всегда признаются первыми в своем кругу и господствуют над ним помимо своей воли, исключительно благодаря своей личности, своей волшебной силе творить вокруг себя более свежую жизнь. Лили, по-видимому, принадлежала к подобного рода девушкам». (Цитата приводится Вейнбергом.)

Однако, в данном случае самое главное — не объективность гётевского изложения, а вопрос, насколько Маяковский мог в этом изложении узнать себя, обстоятельства своей любви, свою Лили.

Думаю, что мог. Его должно было, на самом деле, поражать множество параллелей: и тот простой факт, что речь идет о любви поэта к женщине по имени Лили, пользовавшейся необычайной популярностью у мужчин, и социальная разница между ними, и характер Лили, и тема разлуки, и то обстоятельство, что любовь Гёте к Лили отразилась в его поэзии — их любви было посвящено более десятка стихотворений⁸.

Любопытно также, что Гёте изображал себя медведем не только в полушутливом стихотворении «Парк Лили», но и в быту — «личность моя была в то время уже ославлена за свою нелюдимость, меня звали медведем», — пишет он в автобиографии, цитируемой Вейнбергом. И в письме своей подруге Иоганне Фальмер, написанном во время разлуки с Лили, он говорит о себе, как о «медведе, разбившем свою цепь, но которого по возвращении ожидает судьба еще печальнее»⁹.

4.

Исходя из того, что Маяковский читал статью и перевод П. Вейнберга, где не мог не узнать черты своей биографии и своей Лили, предполагаю дальше, что стихотворение Гёте имело для построения *Про это* большое значение. Как мне кажется, и прием превращения, и сама медвежья метафора, и мизансцена в зоопарке, и тема праздника, где Лили

⁸ «Neue Liebe, neues Leben»; «An Belinden»; «Auf dem See»; «Vom Berge»; «An ein goldnes Herz, das er am Halse trug»; «Wehmut», «Wonne der Werhmut»; «Herbstgefühl», «Jägers Abendlied», «An Lili»; «Lilis Park».

⁹ Цитируется по Вейнбергу. См. *Briefe an Johanna Fahlmer*, J. W. Goethe, *Gedankenausgabe der Werke*, Bd. 18, *Briefe und Gespräche*, Zürich 1951: «Soviel für diesmal vom durchgebrochenen Bären, von der entlaufenen Katze!» (24. Mai 1775; S. 269); «Denn noch, fühl ich, ist der Hauptzweck meiner Reise verfehlt, und komm ich wieder, ist's dem Bären schlimmer als vorher. Ich weis es wohl ich bin ein Thor [...]» (5. Juni 1775; C. 270).

развлекает гостей в отсутствие поэта, вдохновлены стихотворением «Парк Лили»¹⁰.

Стихотворение Гёте связано в *Про это* с двумя местами в особенности — главки «Деваться некуда», «Друзья» и «Только б не ты» в части «Ночь под Рождество» и последняя главка «Любовь» в части «Прощение на имя...».

«Парк Лили» — это «зверинец», куда «фея» Лили ловит «чуднейших зверей»:

Ах, как они бегают, прыгают, топают,
Подрезанными крыльями хлопают!
Всячески выделывают штучки
От неугасимой любовной муки...

В стихотворении описывается как Лили «выманила» и «медведя из темного леса — / Неотесанного, дикого балбеса» и «посадила в прирученную компанию». Медведь — это сам поэт, которого Лили «на шнурке шелковым привела в свою клетку...»:

Это ужасно! Из угла моего,
Слышу я вдали шум, гоготанье,
Вижу во все стороны метанье,
и бежать оттуда хочу —
И ворчу...

Эта сцена, где медведь/поэт «из угла своего» наблюдает за тем, как веселится компания у Лили, очень напоминает то место в *Про это*, где медведь/поэт стоит на углу улицы, где живет его любимая:

Прикрывши окна ладонью угла,
стекло за стеклом вытягивал с краю. (1107-8)

...
Гостьё идет по лестнице...
Ступеньки бросил —

стенкою.

Стараюсь в стенку вплесниться,
и слышу —
струны тенькают. (1139-44)

...
А вороны гости?!

Дверье крыло
раз сто по бокам коридора исхлопано.
Горлань горланья,
оранья орло
ко мне доплеталось пьяное дóпьяно. (1154-59)

¹⁰ Вопрос о том, имела ли разлука между Гёте и Лили значение для разлуки Л. Ю. Брик и Маяковского, я пока оставляю в стороне. Любопытно, что в биографии Гёте поэт является инициатором разлуки, в биографии же Маяковского — Лили.

Осмеянный «каждым щегольским деревцом», медведь у Гёте бежит «с цветочной роскошной грядки, / ... в темные кусты без оглядки» и пытается «перелезть через забор, / Выпрыгнуть скорее на простор...». И герой *Про это* «бежит» со сцены действия, и вообще «бегство», «бег» является лейтмотивом поэмы. В конце *Про это* поэт просит «большелобого химика» воскресить его:

Я любил...
 Не стоит в старом рыться.
 Больно?
 Пусть...
 Живешь и болью дорожась.
 Я зверье еще люблю —
 у вас зверинцы
 есть? (1744-53)

Поэт представляет себе, что в воскресшей жизни он встретит свою любимую Лили:

Может,
 может быть,
 когда-нибудь
 дорожкой зоологических аллей
 и она —
 она зверей любила —
 тоже вступит в сад,
 улыбаясь,
 вот такая,
 как на карточке в столе¹¹. (1762-71)

Стихотворение Гёте написано в шутовском тоне, но это — легкость деланная, это лишь способ бороться с болью. «Этим стихотворением, — пишет Гёте, — вовсе не выражается то нежно-трогательное состояние, в котором я тогда находился. Я, напротив, хотел изобразить в нем совершенную его противоположность и выставить с помощью ряда комических картин, как следует отрекаться в минуты горя и отчаяния» (цит. по: Вейнберг 1890: 248–249). Этот защитный механизм был, как известно, не чужд и русскому поэту, боровшемуся всю жизнь с болью «немыслимой любви».

Постскриптум

Стихотворение «Парк Лили» как важнейший источник *Про это* не подлежит, таким образом, сомнению. Однако еще до выхода в свет этой поэмы ревнивый гётевский медведь вкрался в другое литературное

¹¹ Ссылка на фотографию Л. Ю. Брик в берлинском зоопарке: *Литературное наследие* 65 (1958): 259; Янгфельдт 2010: 276.

произведение, оказавшее на Маяковского не меньшее влияние, чем стихотворение Гёте. Речь идет о книге *Venus im Pelz* австрийского автора Леопольда фон Захер-Мазоха, вышедшей впервые в 1870 году на немецком языке и в 1908 году по-русски под названием *Венера в мехах*¹².

Текст *Венера в мехах* полон отсылок к Гёте. Так, например, герой книги прямо отождествляет себя с медведем в стихотворении «Парк Лили»: «В этом-то заключается трагикомизм моего положения, что я, как медведь в парке Лили¹³, могу бежать — и не хочу, и все готов вынести, как только она пригрозит отпустить меня на волю». Другая важная отсылка к Гёте — это приведенные автором слова из комедии «Der Groß-Corhta» (1791), где даются только две альтернативы в любовной игре: властвовать и победить, или служить и проиграть, страдать или торжествовать, «быть наковальной или молотом». У Гёте:

Du mußt herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphieren,
Amboß oder Hammer sein.

«Я хочу быть наковальной», — утверждает Северин, герой книги фон Захер-Мазоха, заявляя таким образом, что он готов не только подчиняться воле своей возлюбленной, но и быть ею физически наказан. Он испытывает наслаждение от унижения и физической боли. Отсюда эпоним «мазохизм», введенный в психиатрию австрийским психопатологом Р. Крафт-Эбингом в его эпохальной работе *Psychopathia Sexualis* (1886; по-русски 1908 под названием *Половая психопатия*).

Герой книги фон Захер-Мазоха и герой поэмы Маяковского — оба поэты. И оба находятся в рабской зависимости от предмета их любви (кстати, Ванда, героиня книги, как и Лили — рыжая). Для Северина счастье заключается в том, чтобы «боготворить женщину, которая делает нас своей игрушкой, быть рабом прекрасной тиранки, безжалостно топчущей нас ногами». Его любимая, с другой стороны, любит только сильных мужчин, «только того, перед кем я ползала бы на коленях». А ее поклонник слаб и готов на все, чтобы ее не потерять: «Если ты не можешь быть моей, совсем моей и на всю жизнь, — позволяй мне быть твоим

¹² Захер-Мазох, *Венера в мехах*, перевод Р[озалия] М[аркович]. Изд. «Тайны жизни», С.-Петербург, Надеждинская 1, Москва, Тверская ул., дом Полякова [1908]. (Автор книги указан без инициалов.) В том же году в том же издательстве вышли книга Л. Захер-Мазоха *Жестокость женщины* (на обложке: *Демонические женщины*) и воспоминания жены писателя Ванды Захер-Мазох *Исповедь моей жизни*, имеющие, согласно издательской рекламе, «прямую связь с сочинением Л. Захер-Мазоха “Венера в мехах”».

¹³ В русском переводе выведенные нами курсивом слова переданы иначе: «под властью укротительницы». Судя по всему, переводчик или редактор предполагал, что для русского читателя ссылка на Гёте будет непонятной.

рабом, служить тебе, все сносить от тебя, — только не отталкивай меня!» Эти отчаянные слова могли бы быть сказаны Маяковским, являющимся жертвой такой же рабской подчиненности: «Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. <...> Без тебя (не без тебя “в отъезде”, внутренне без тебя) я прекращаюсь». (Из дневника, который он вел во время разлуки с Л. Ю. Брик).

В книге фон Захер-Мазоха Ванда связывает Северина и бьет его хлыстом. Это поведение отражает реальную жизнь австрийского прозаика, который требовал от своих женщин такого обращения с собой. Ничего подобного нет в отношениях между Маяковским и Л. Ю. Брик, ни в поэзии, ни в жизни. Но то, что зависимость Маяковского от возлюбленной была мазохистской по типу, не подлежит сомнению. Так же как и фон Захер-Мазох и герой его книги, Маяковский и герой поэмы *Про это* рабски подвластны железной воле женщины-повелительницы. Определяющим признаком мазохизма служит *стремление к безграничному подчинению себя воле другого лица*, а характер/способ подчинения (физическое либо психическое) играет второстепенную роль.

Если тема любви поэта к властной женщине роднит Маяковского и с Гёте, и с фон Захер-Мазохом, то с последним связывает его еще и другой ингредиент в отношениях героя с любимой женщиной: договор, заключенный между ними. В книге фон Захер-Мазоха этот контракт является повествовательным стержнем. В юридически составленном договоре Северин «обязывается <...> честным словом человека и дворянина быть рабом ее до тех пор, пока она сама не возвратит ему свободу», а Ванда дает ему «год сроку — чтобы покорить меня, чтобы убедить меня, что мы подходим друг другу, что мы можем жить вместе. Если вам удастся, тогда я буду вашей женой».

Подобный договор фигурирует и в книге фон Захер-Мазоха *Разведенная женщина (Die geschiedene Frau)*, вышедшей в том же 1870 году. Важно отметить, что такими контрактами фон Захер-Мазох пользовался и в личной жизни — и в связях с Анной фон Коттвиц и Фанни вон Пистор (легших в основу *Разведенной женщины* и *Венеры в мехах*), и с женой Вандой. Договоры с двумя последними воспроизведены в приложении к русскому изданию книги *Венера в мехах*.

В поэме *Про это* такого договора нет, но из переписки Маяковского и Л. Ю. Брик известно, что между ними существовал устный договор, согласно которому они не должны видеться в течение двух месяцев. Эта разлука и породила поэму.

И Маяковский и фон Захер-Мазох — мужчины, которые находятся под властью железной воли женщины-повелительницы и обязаны вы-

полнить условия договора, заключенного между ними — Маяковский устно, фон Захер-Мазох письменно. Если они выполняются, они будут по истечению срока жить вместе. Если же нет, женщина имеет (согласно договору фон Захер-Мазоха с женой) право «в любой момент выгнать» мужчину. Разница между условиями договора Маяковского и фон Захер-Мазоха (и его альтер эго) заключается в том, что первый должен *отсутствовать* в жизни любимой; это наказание *психическое*. Наказание же второго состоит в том, чтобы *не уходить* от нее и быть ее *физическим* рабом.

Венера в мехах вышла по-русски в годы, когда половой вопрос был чуть ли не самой обсуждаемой темой в России. К тому же известно, что вопросы секса очень занимали и Л. Ю. и О. М. Бриков (см. главу «Лили» в: Янгфельдт 2010). Поэтому не подлежит сомнению, что они были знакомы с *Венерой в мехах* и что идея договора заимствована из этой книги. Что касается Маяковского, вполне может быть, что он книгу не читал (как известно, он мало читал), но в том, что тематика ему была известна, тоже не надо сомневаться. Чтобы ознакомиться с ней не нужно было читать книгу фон Захер-Мазоха. Существовал другой, не книжный источник, который Маяковский не мог пропустить: русский фильм *Хвала безумию*, снятый по книге *Венера в мехах* и вышедший на экран в декабре 1915 года¹⁴.

Лилия Брик. Риба. 1922 г.

¹⁴ Режиссер А. Уральский, художник Вл. Егоров. См. рецензию в: *Проектор* 1 (1916): 11–12.

ЛИТЕРАТУРА

- Аброскина И. «Шкловский о Маяковском. Из переписки». *Литературное обозрение*, 6 (1993).
- Брик Лиля. «Предложение исследователям». *Вопросы литературы* 9 (1966): 203–208.
- Вейнберг Петр. «Парк Лили (к истории любовных увлечений Гёте)». С приложением стихотворения Гёте Парк Лили» в переводе автора. *Северный вестник* 11 (1890): 241–253; перепеч. в: Вейнберг Петр. *Страницы из истории западных литератур*. СПб. 1907: 341–354.
- Вейнберг Петр. *Страницы из истории западных литератур*. СПб. 1907.
- Гёте Вольфганг. *Собрание сочинений в переводе русских писателей*. Т. 1. 2-е изд. Под редакцией П. Вейнберга. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1892.
- Гёте Вольфганг. «Парк Лили». Гёте Вольфганг. *Собрание сочинений в переводе русских писателей*. Т. 1. 2-е изд. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1892: 87–91.
- Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981.
- Жирмунский Виктор. «Вертерiana». *Литературное Наследство*. Т. 4/6. М.: Журнально-газетное объединение, 1932: 510–527.
- Захер-Мазох. *Венера в мехах*. Перевод Р[озалия] М[аркович]. СПб.: Изд. «Тайны жизни», 1908.
- Литературное наследство*. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Издательство АН СССР, 1958.
- Парнис Александр. «Из тетради Т. В. Толстой». *Век Пастернака. Досье Литературной Газеты* февраль 1990: 10.
- Прозектор* 1 (1916): 11–12.
- Холодковский Николай. *Вольфганг Гёте. Его жизнь и литературная деятельность*. СПб.: Типография Ю. Эрлих, 1891 (2-е изд. 1902).
- Шкловский Виктор. *За и против. О Достоевском*. М.: Советский писатель, 1957.
- Якобсон Роман. «За и против Виктора Шкловского». *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1–2 (1959): 305–310. (Перепеч. под названием: Jakobson Roman. «Достоевский в отголосках Маяковского». Jakobson Roman. *Selected Writings*. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague — Paris–New York: Mouton, 1979: 406–412.)
- Янгфельдт Бенгт. «Крикогубый Заратустра». *De Visu* 7 (1993): 44–52.
- Янгфельдт Бенгт. *Ставка — жизнь*, М.: Колибри, 2009.
- Holthusen Johannes. “Metaphern und ‘Verwandlungen’ in Majakovskijs ‘Pro eto’”. *Die Welt der Slaven* 18 (1973): 201–215.
- Holthusen Johannes. *Tiergestalten und metamorphe Erscheinungen in der Literatur der russischen Avantgarde (1909–1923)*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1974.
- Jakobson Roman. «Достоевский в отголосках Маяковского». Jakobson Roman. *Selected Writings*. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague — Paris–New York: Mouton, 1979: 406–412.
- Seljak Anton. «Intertextuelle Strukturen des ‚Eros‘-Konzeptes in Majakovskijs Pro èto». *Zeitschrift für Slavische Philologie* 2 (1999): 355–389.
- Schapiro Corten Irina. «The Influence of Dostoevskij on Majakovskij’s Poem ‘Pro eto’». *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students*. Cambridge, Massachusetts: Slavica, 1968: 76–83.

LITERATURE

- Abroskina I. «Shklovskii o Maiakovskom. Iz perepiski». *Literaturnoe obozrenie* 6 (1993).
- Brik Lilia. «Predlozhenie issledovateliam». *Voprosy literatury* 9 (1966): 203–208.
- Dostoevskii Fedor. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 22. L.: Nauka, 1981.
- Gete Vol’fgang. *Sobranie sochinenii v perevode russkich pisatelei*. T. 1. 2-e izd. Pod redaktsiei P. Veinberga. SPb.: Tipografiia M. Stasiulevicha, 1892.

- Gete Vol'fgang. «Park Lili». Gete Vol'fgang. *Sobranie sochinenii v perevode russkich pisatelei*. T. 1. 2-e izd. SPb.: Tipografiia M. Stasiulevicha, 1892: 87–91.
- Holthusen Johannes. “Metaphern und ‘Verwandlungen’ in Majakovskijs ‘Pro eto’”. *Die Welt der Slaven* 18 (1973): 201–215.
- Holthusen Johannes. *Tiergestalten und metamorphe Erscheinungen in der Literatur der russischen Avantgarde (1909–1923)*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1974.
- Jakobson Roman. «Za i protiv Viktora Shklovskogo». *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1–2 (1959): 305–310. (Perepech. pod nazvaniiem: Jakobson Roman. «Dostoevskii v otgoloskakh Maiakovskogo». Jakobson Roman. *Selected Writings*. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague-Paris-New York: Mouton, 1979: 406–412.)
- Jakobson Roman. «Dostoevskii v otgoloskakh Maiakovskogo». Jakobson Roman. *Selected Writings*. Vol. V: On Verse, Its Masters and Explorers. The Hague-Paris-New York: Mouton, 1979: 406–412.
- Jangfel'dt Bengt. «Krikogubyi Zaratustra». *De Visu* 7 (1993): 44–52.
- Jangfel'dt Bengt. *Stavka — zhizn'*, M.: Kolibri, 2009.
- Kholodkovskii Nikolai. *Vol'fgang Gete. Ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost'*. SPb.: Tipografiia IU. Erlikh, 1891 (2-e izd. 1902).
- Literaturnoe nasledstvo*. T. 65: Novoe o Maiakovskom. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958.
- Parnis Aleksandr. «Iz tetradi T. V. Tolstoi». *Vek Pasternaka*. Dos'e Literaturnoi Gazety fevral' 1990: 10.
- Proektor* 1 (1916): 11–12.
- Schapiro Corten Irina. «The Influence of Dostoevskij on Majakovskij's Poem ‘Pro eto’». *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students*. Cambridge, Massachusetts: Slavica, 1968: 76–83.
- Seljak Anton. «Intertextuelle Strukturen des ‚Eros‘-Konzeptes in Majakovskijs Pro eto». *Zeitschrift für Slavische Philologie* 2 (1999): 355–389.
- Shklovskii Viktor. *Za i protiv. O Dostoevskom*. M.: Sovetskii pisatel', 1957.
- Veinberg Petr. «Park Lili (k istorii liubovnykh uvlechenii Gete)». S prilozheniem stikhotvorieniia Gete Park Lili v perevode avtora. *Severnyi vestnik* 11 (1890): 241–253; perepech. v: Veinberg Petr. *Stranitsy iz istorii zapadnykh literatur*. SPb. 1907: 341–354.
- Veinberg Petr. *Stranitsy iz istorii zapadnykh literatur*. SPb. 1907.
- Zakher-Mazokh. *Venera v mekhakh*. Perevod R[ozaliiia].M[arkovich]. SPb.: Izd. «Tainy zhizni», 1908.
- Zhirmunskii Viktor. «Verteriana». *Literaturnoe Nasledstvo*. T. 4/6. M.: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1932: 510–527.

Бенгт Јангфелд

МАЈАКОВСКИ И ГЕТЕ У ПАРКУ ЛИЛИ, С ПОСТСКРИПТУМОМ

Резиме

Метафорика поеме *О ѿоме* тесно је повезана са животом и ставралаштвом Ј. В. Гетеа. Поистовећивање песника с медведом преузето је из Гетеове песме „Парк Лили“, чији је главни јунак љубоморни песник-медвед. С Гетеовом песмом повезано је име јунакиње: и Мајаковски и Гетеа били су заљубљени у особу са именом Лили. Важно је поменути да је извор поеме Мајаковског била и књига Леополда фон Захер-Мазоха *Venus im Pelz* (1870), објављена на руском 1908. године. Док је метафорика поеме *О ѿоме* прожета Гетеовим делом, дотле је њена тема, мучни растанак поистекао из договора јунака и његове вољене, преузета из поменуте књиге фон Захер-Мазоха.

Кључне речи: Мајаковски, *О ѿоме*, Лили Брик, Гете, Захер-Мазох, књижевне везе.